

ДЕЛА СУДЕБНЫЕ

**ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ
ТАТЬЯНЫ УСТИНОВОЙ И ПАВЛА АСТАХОВА
В СЕРИИ «ДЕЛА СУДЕБНЫЕ»:**

**БОЖИЙ ДАР
КРЕДИТ ДОВЕРЧИВОСТИ
КРАСОТКА
ДНК ГЕНИЯ
ЖИЛЬЕ ПО ОБМАНУ
ПО ЗОЖУ СЕРДЦА
ШОК-ШКОЛА
ЧУДО-ПИЛЮЛИ
МИНИ-МОДЕЛЬ
ОПЛАЧЕННЫЙ ДИАГНОЗ
ДОЧКИ-МАТЕРИ
ПЛЕННИЦА
КВАРТИРА В РАЮ
КОРОЛЕВА БЛОГОСФЕРЫ
РАЙСКИЙ ПЛОД
ЧУЖАЯ ЗЕМЛЯ
БЕЗ БРАКА
ЗВЕЗДА ЭКРАНА
ЗИГЗАГ У ДАЧИ
НЕДОБРОЕ ИМЯ
БЕЗ СУДА И СОВЕСТИ**

Татьяна УСТИНОВА
Павел АСТАХОВ

ЗИГЗАГ У ДАЧИ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Редактор серии *А. Антонова*
Дизайн обложки *Н. Каштыкина*

Устинова, Татьяна Витальевна.
У80 Зигзаг у дачи : роман / Татьяна Устинова,
Павел Астахов. — Москва : Эксмо, 2026. —
320 с.

ISBN 978-5-04-248676-0

В новом романе Татьяны Устиновой и Павла Астахова из цикла «Дела судебные» переплетаются любовь и предательство, вера и цинизм, борьба за выживание и стремление к справедливости.

Судья Елена Кузнецова готовится к свадьбе с бизнесменом Виталием Мироновым, который мечтает построить «поселок будущего» с использованием самых передовых технологий.

А тем временем ее сестра Натка продает свой старый дачный домик. Соседи, пожилые супруги Сизовы, очень обеспокоены сменой владельца. Вскоре выясняется, что новый собственник под надуманным предлогом отбирает у Сизовых их дом и землю, стремясь воссоздать «родовое гнездо».

Муж Натки, майор Таганцев, начинает собственное расследование, чтобы помочь старикам, и Елене тоже приходится подключиться...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248676-0

© Астахов П., Устинова Т., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

1930-е годы

Село Рождествено

Агафон Матвеевич Дорофеев стоял перед развалинами храма Рождества Пресвятой Богородицы и глотал слезы. Здоровенный, косая сажень в плечах, крепкий еще пятидесятилетний мужик, здоровье которого не подкосили даже три года в ссылке на Урале, не стесняясь, плакал, глядя на руины взорванного большевиками храма. Нехристи, как есть нехристи.

С именами представителей дорофеевской семьи были связаны и расширение храма, и роспись его стен, и строительство новой колокольни. Из поколения в поколение Дорофеевы были главными пожертвователями, благодетелями, а также ктиторами храма.

Рождествено в начале двадцатого века являлось довольно крупным селом, в котором проживало больше тысячи человек. Были тут и купцы, и представители духовного звания, и, разумеется, крестьяне, имевшие с купцами

самые крепкие связи как с основными приобретателями своей продукции.

Вся жизнь села была связана с храмом Рождества Пресвятой Богородицы, который, без сомнения, являлся не только центром Рождествено, но и его сердцем. Купцов Дорофеевых чтили здесь как главных храмостроителей и благотворителей. До революции они занимались заготовкой яиц для отправки за границу, собирая в сезон до пятидесяти вагонов, а также торговали рыбой, говядиной, раками и икрой. Дорофеевым не только принадлежали пятьдесят десятин земли в округе, у них даже свои магазины в Москве и Твери имелись.

Отец Агафона — Матвей Сергеевич — сам был образованным человеком и об обучении сына позаботился. Мальчик окончил городское училище, а затем сельскохозяйственные курсы, но, женившись, жить вернулся в Рождествено. Здесь ему легче дышалось. После случившейся революции, даже двух, большевиков Агафон Матвеевич всерьез не принял. Не мог поверить, что эта шайка, состоявшая из местных пьяниц, бездельников, воров, попрошаек и бродяг, захватила власть надолго. Был уверен, что обычным людям, в том числе и крестьянам, никакая революция ни к чему.

За себя он не беспокоился, ведь жил, как и все его предки, истинным тружеником и

патриотом, искренне любил святую Русь, соблюдал церковные каноны. И оказался не готов к полной конфискации имущества семьи, которая случилась в 1920 году. Всю семью Матвея Сергеевича, живущего с сыном после смерти жены, самого Агафона Матвеевича, а также троих его дочерей и жену Настасью, тогда на сносях, выгнали из дома на мороз, не дав даже одеться.

Матвей Сергеевич, разменявший восьмой десяток, кротким нравом не отличался. Выхватил ружье, что висело в сенях, да начал палить по обидчикам. Те ударили старика дубиной по голове. Добивали уже ножами. Прямо на глазах у сына, беременной снохи и внучек. В ту же ночь Настасья умерла в родах. Похоронив жену, а вместе с ней так и не родившегося малыша, Агафон отправил дочек, которым к тому моменту было от восьми до четырнадцати лет, в Москву, к дальним родственникам, а сам поселился в бедняцком домике на окраине села, покосившемся, со щелями, в которые заметало снег.

Собственный дорофеевский дом тогда разобрали, раскатали по бревнышку. Говорили, что эти крепкие, вековые бревна нужны на строительство новой школы и клуба. Да эти подробности враз постаревшему Агафону были без надобности.

Пережить ту первую зиму помогло то, что многие односельчане оказались людьми, помнящими добро. И сам Агафон, и отец его, Матвей Сергеевич, жили зажиточно, но и в долг давали легко, часто без отдачи. Многим своим односельчанам Дорофеевы помогли встать на ноги, и когда случилась беда, те в ответ приютили и помогали, кто чем может. Отдавали давно забытые долги продуктами, а кто и деньгами.

Больше всех помогал Платон Тихонов, вдовец, живущий вдвоем с дочерью Татьяной. На ней спустя год Агафон Матвеевич и женился. Татьяна оказалась женщиной тихой, богобоязненной и беззаветно любила мужа, хоть и был он старше ее на пятнадцать лет. Во втором браке родились еще трое детей, в том числе долгожданный сын, наследник, названный Ванечкой.

Кипучая деятельная дорофеевская натура проявила себя и в годы НЭПа, когда вместе с новой своей женой Дорофеев открыл небольшой магазинчик, торгующий полотном. Впрочем, вскоре поиски классовых врагов начались с новой силой, и в 1930 году Агафона Матвеевича арестовали и отправили на три года в ссылку на Урал.

И вот теперь он возвратился из ссылки в родное Рождествено, чтобы воссоединиться с семьей, и стоял перед взорванным недавно

храмом, не стесняясь собственных слез. Уцелела лишь находящаяся рядом высокая полуразрушенная колокольня, та самая, что возвели на пожертвования его семьи.

Впрочем, и самого Рождествено больше не существовало. Родное его село стерли если не с лица земли, то уж совершенно точно с географических карт. В рамках борьбы с церковью и всем, что с ней связано, название посчитали неподходящим, и теперь носило село совсем другое, «революционное» имя.

Тяжесть, сковавшая грудь перед руинами храма и не дававшая вздохнуть, оказалась пророческой. В небольшой часовенке, чудом уцелевшей при сельском кладбище, Агафон Матвеевич пять лет прослужил церковным старостой. Собирал деньги в церковную кружку, а также приношения от прихожан, продавал восковые свечи и огарки, покупал все необходимое для церкви, вел приходно-расходные книги, поддерживал в чистоте и исправности ризницу и церковную утварь, топил печь.

Стал он совсем «божьем человеком», не думая о деньгах и не заботясь о пропитании семьи. Дом держался на Татьяне, а точнее, на принадлежащей ей швейной машинке, с помощью которой она обшивала всю округу, зарабатывая хотя бы на хлеб. Ну и односель-

чане по-прежнему не давали пропасть, подерживая Дорофеевых по доброй памяти.

Люди, приходившие в кладбищенскую церковь, плакались старосте Агафону, жалуюсь на тяжелую жизнь, на нищету, вызванную продналогами и продразверсткой, на голод. Спрашивали, как он думает, когда же закончатся их мучения. Агафон Дорофеев отвечал всем словами из Библии: «Все пройдет, пройдет и это». Кто-то донес, и старосту арестовали. Через три недели он был приговорен тройкой НКВД к расстрелу, приговор привели в исполнение в марте 1938 года, после чего Агафона Матвеевича похоронили в безвестной братской могиле.

Дочери от первой жены Анастасии, живущие в Москве, вышли замуж и в положенный срок сами стали матерями. Ваня, старший наследник от жены Татьяны, чтобы избавиться от клейма «сына врага народа» и поступить в институт, сразу после ареста отца тоже уехал в Москву, где сменил фамилию. Две младшие дочери остались в бывшем Рождествено, с матерью.

С отрекшимся от отца сыном Татьяна до самой смерти не разговаривала, хотя тот не раз приезжал в надежде на примирение. Даже дочку один раз привозил к бабушке, но и милая девчущка не растопила лед в сердце Татьяны. Не смогла она простить сына.

В январе 1957 года Татьяна Платоновна обратилась к прокурору района с просьбой о пересмотре дела ее расстрелянного мужа. Первоначально ей отказали, но в апреле 1989 года Агафон Матвеевич Дорофеев был реабилитирован, а в августе 2000 года причислен к лику новомучеников и исповедников Российских на Архиерейском соборе Русской православной церкви в Москве для общецерковного почитания. Татьяна Платоновна этого уже не узнала, она умерла десятью годами ранее в возрасте девяноста семи лет, практически сразу после того, как добилась посмертной реабилитации мужа.

2020-е годы

Село Красные Холмы

Предложение продать дачный домик в деревне стало для Натки полной неожиданностью. С одной стороны, о продаже небольшого деревянного строения, доставшегося ей в подарок от одного из бывлых ухажеров, она никогда не думала. Приятно иметь дачу, куда можно вырваться летом, чтобы подышать свежим воздухом. Да и с соседями — бывшими школьными учителями, стариками Сизовыми — за много лет у Натки сложились очень добрые отношения.

Сизовы немало помогли ей с Сенькой, когда он был маленький, заменив мальчику бабушку с дедушкой, а сейчас охотно возились с Настюшкой. С другой стороны, Натка могла вырваться на дачу, чтобы пожить там, не больше двух недель за все лето. Работа не позволяла, да и не любила она неблагоустроенный деревенский быт. Сенька же проводил в деревне с поэтичным названием Красные Холмы все лето, вот только жил, разумеется, у Сизовых. Так это и после продажи дома возможно. Сизовы, у которых нет своих детей и внуков, и к Сеньке, и к Насте относятся как к родным, так что ничего для детей в плане каникул за городом не изменится.

Основным аргументом за продажу было то обстоятельство, что дом давно нуждался в ремонте, причем капитальном. Он и достался-то Натке потому, что такая халупа ее тогдашнему ухажеру была ни к чему, иначе вряд ли он «с барского плеча» отвалил бы ей пять соток земли всего-то в семидесяти километрах от Москвы, пусть и не по самому «модному» направлению, но все же.

За прошедшие годы домик совсем осел и скособочился. Зимой в нем никто не бывал, соответственно и не топил. Василий Петрович Сизов лишь пару раз протапливал печь перед началом летнего сезона, этим все и заканчивалось. В общем, дом нуждался в солид-

ном ремонте, то есть в деньгах, которых у Натки и раньше не имелось, а сейчас и подавно. Двое детей и ипотека, какие уж тут ремонты.

Деньги были вторым аргументом в пользу того, чтобы согласиться с неожиданным предложением. За покосившуюся халупу с протекающей крышей и провалившимся крыльцом давали неожиданно приличную сумму, которую можно пустить на погашение все той же ипотеки. Сейчас откажешься — второй раз столько точно не предложат.

— Наташа, это и смущает, — осторожно сказал Таганцев, когда Натка поделилась с ним своими мыслями. — Дом старый, а сумма, прямо скажем, приличная. Зачем кому-то тратить такие деньги за пять соток без всякой надежды на расширение.

— Может, они еще и с соседями договорятся? — разумно предположила Натка. — Мне Сизовы говорили, что в деревне скупка земли началась. Они продавать отказались, конечно, у них же другого жилья нет, а вот Ковалевы согласились, и Рымбаловы тоже. Сам знаешь, после того как в деревне стройка началась, в ней все равно покоя не прибавилось. С мигрантами ты тогда, конечно, разобрался, но луг все равно уже застроили, дорогу к реке заборами перегородили, так что как прежде уже не будет.

— Наташа, дом твой, так что тебе и решать, — покачал головой Костя. — У меня все

равно нет времени туда ездить, а дети, пока Сизовы живы, и так не пострадают. Старики им всегда рады. Так что хочешь продавать — продавай. Я не возражаю. Мне эта деревенская жизнь никогда не нравилась.

Подумав еще немного, Натка подписала договор купли-продажи. Она немного боялась, чтобы не обманули, но Таганцев подстраховал, так что деньги она получила вовремя и в полном объеме. Правда, ипотеку гасить не торопилась, положила всю сумму на счет в банке. Пусть лежат и прирастают процентами. Ставка Центробанка сейчас выше, чем проценты по их ипотечному кредиту, так что одна выгода с этой продажи. Честное слово.

Сизовы огорчились, конечно, но не из-за того, что Натка больше не станет приезжать в Красные Холмы.

— Вы с Костей можете считать, что наш дом — это и ваш дом тоже, — сказала Татьяна Ивановна, блестя глазами. — Вы в любое время можете приезжать к нам. И Сенечку с Настенькой оставлять тоже. И вообще мы тебя, Наташенька, в завешание вписали. Так что рано или поздно, а дом все равно вам достанется. Нам его больше завещать некому. Одни мы с Васенькой на всем белом свете.

Огорчила их смена владельцев дома. Вдруг рядом поселятся какие-то неприятные люди? Нет ничего хуже, чем собачиться с соседями.

Натке было немного не по себе от того, что старики так волнуются и она — причина их тревог, но не отказываться же из-за этого от выгодной сделки.

К концу мая все формальности были соблюдены, оставалось лишь передать ключи, а для этого предстояло съездить в деревню в последний раз, чтобы забрать из дома немногие хранящиеся там личные вещи. Натка тянула до последнего, потому что Костя был в командировке, а машина — в ремонте. Выручила сестра Лена, согласилась в субботний день свозить Натку в Красные Холмы.

— Немного жаль все-таки дома, — задумчиво сказала она, когда ее автомобиль свернул с трассы и, поднимая столб пыли, двинулся по проселочной деревенской дороге. — Много хороших моментов с ним связано.

— Сизовы сказали, что и ты можешь к ним приезжать в любое время, — заметила Натка.

— Да мне есть где проводить выходные, — Лена засмеялась. — Хотя в доме Виталия теперь живет Варвара с семьей, но загородные отели никто не отменял. Да и Виталий загорелся идеей построить новый дом. А зная его пробивной характер, можно не сомневаться, что через год-другой будем владельцами загородной недвижимости.

— Он и в тот дом, что Варваре отдал, никогда не ездил, — пожала плечами Натка. — За-

чем ему еще один? При вашей помешанности на работе и любви к загазованному мегаполису вы и туда ездить не будете.

За разговором не заметили, как доехали до дома Сизовых. Он был не чета Наткиному — основательный, кирпичный, с проведенным отоплением и водоснабжением от скважины. Лет пятнадцать тому назад, когда Сизовы вышли на пенсию, они продали свою московскую квартиру, решив, что на пенсии лучше жить на свежем воздухе, а на вырученные деньги полностью перестроили дом, подведя к нему все коммуникации.

Разумеется, деньги еще и остались, так что старики положили их в какой-то частный банк под бешеный процент в надежде получить достойную прибавку к пенсии. Спустя пару лет банк, конечно, лопнул, а управляющий его сбежал со всеми деньгами вкладчиков. Так что старики остались ни с чем. Произошло это еще до того, как Натка получила в подарок домишко по соседству, и уж тем более задолго до того, как с Сизовыми познакомился Костя Таганцев, так что помочь им никто не смог, да и не пытался.

Эту грустную историю Натка знала во всех деталях, потому что старики рассказывали ее часто, сочувствовала, но особо не вникала. Что ворошить былое, если сделать ничего нельзя.

Василий Петрович и Татьяна Ивановна, предупрежденные о том, что Натка и Лена приедут, ждали их на улице. При виде сестер, вылезавших из машины, Татьяна Ивановна огорченно всплеснула руками.

— Деточек что же не взяла, Наташенька? Так уж я по ним соскучилась. С майских праздников не виделись.

— Да мы решили по-быстрому, туда и обратно, дел много, — виновато объяснила Натка. — Да и до каникул меньше недели осталось, Татьяна Ивановна. У Сеньки, правда, еще соревнования по плаванию в середине июня, но все равно меньше чем через месяц он к вам до конца лета приедет.

— А Настенька? — всполошилась Сизова.

— И Настюшка тоже. Она уже каждый день мечтает о ваших блинах со сгущенкой и топленом молоке. Ждет не дождется, пока у бабы Тани окажется.

Сизова просияла.

— А я блинов-то и сегодня напекла. Проходите, чаю попьете с дороги.

— Пусть Лена пьет чай, а я пока вещи собираю, — решила Натка.

— Может, тебе помочь? — предложила ей сестра.

— Да там немного. Я же тут не хранила ничего. Так, по мелочи. Я быстро управлюсь.

Она ушла, а Лена в ожидании чая осталась в сизовском доме, прошлась вдоль стен, сплошь усеянных фотографиями. На одной можно было разглядеть молодых еще Василия Петровича и Татьяну Ивановну, стоящих на берегу какой-то реки, большой, полноводной, и влюбленно смотрящих друг на друга. Они были просто загляденье, какие красивые. И счастливые.

— Что? Смотришь, какие мы с Васенькой были?

— Красивые очень. Это вы где?

— На Иртыше. В Казахстане. Целину поднимали.

И, видя искренний интерес Елены Кузнецовой, Татьяна Ивановна начала рассказывать.

В 1965 году была она девятнадцатилетней Танечкой, студенткой Ставропольского педагогического института, только что успешно сдавшей летнюю сессию и перешедшей со второго курса на третий. Летние каникулы вместе с друзьями решили провести, поднимая целину. Жили в разбитом на берегу Иртыша палаточном лагере, строили жилые дома и места общего пользования. Правда, худосочная Татьяна в строительстве не участвовала, была в стройотряде стряпухой, потому что уже тогда готовила не просто хорошо, а отменно.

— В соседнем палаточном лагере расположились студенты не абы откуда, а из Первого московского института иностранных языков, — с удовольствием рассказывала о прошлом Татьяна Ивановна. — И среди них мой Вася. Я его как-то сразу глазом выпетила из толпы, хотя он был не самый высокий и не самый красивый. У них заводилой считался Толик Белов, вот тот уж красавец так красавец, все девчонки из-за него чуть ли не дрались. Чуб у него такой вился, кудрявый. И рост под два метра. А по вечерам устраивали танцы. Вот Толик однажды меня и пригласил. То ли назло остальным девчонкам, то ли из-за того, что я на него внимания не обращала, а его это заводило ужасно.

— И вы пошли? — улыбнулась Лена, представив эту картину.

— Пошла. Неудобно было отказывать, а он во время танца начал меня в сторону кустов тянуть. Мол, чего упираешься, несговорчивая такая. Ничего бы он мне такого не сделал, тогда-то не в моде было, нравов все были строгих. Просто поцеловать хотел, но я и на то не соглашалась. Меня так родители воспитали, что нельзя дарить поцелуя без любви. Нынешней-то молодежи смешно, а для нас обыденно было. В общем, я упираюсь, Толик меня за руку тянет, рассвирепел даже, что я упрямая такая. И тут Вася подходит. Ниже

Толика на целую голову, худощавый, в очочках своих круглых.

— Драка была?

— А как же, — с нескрываемым удовольствием подтвердила Татьяна Ивановна. — Да Вася еще и победителем из нее вышел. Он, оказывается, боксом увлекался. Любительским, во дворе с мальчишками тренер какой-то известный занимался. Вася нанес Толику какой-то удар, от которого тот в нокаут и свалился. Правда, успел до этого Васе бровь разбить. Картина нарисовалась та еще. Кровища из рассеченной брови хлещет, на землю капает, у ног поверженный враг, а Вася меня так крепко за руку держит. «Пойдем, — говорит, — отсюда». Так меня больше и не отпускал никогда.

Вернулась Натка, принесла сумку с вещами. Положила на стол ключ от своего теперь уже бывшего дома.

— Татьяна Ивановна, вы ключ новым хозяевам отдайте, пожалуйста, когда они придут.

— Так передам, чего ж не передать, — пожилая женщина вздохнула. — Как-то спокойно у меня на душе, Наташенька. Не к добру эти новые дом купили, ой не к добру.

Старые люди не любят перемен, это Натка отлично знала.